

А. М. Буровский¹

ПЕТЕРБУРГ — СЕМАНТИКА КОНТЕКСТА

Не успели первые сваи войти в грунт Заячьего острова в мае 1703 года, как мифы поднялись плотным облаком над постройкой, над людьми, как комары. Мифологично почти все, что рассказывается о Санкт-Петербурге и в школьных, и в вузовских учебниках; почти все то, что считается его историей, не происходило вообще или происходило иначе, чем описано.

Считается, что основателем и строителем Петербурга был Петр. Что Петербург строился по трем последовательно сменявшим друг друга планам, и что первым из них был план, разработанный лично Петром и Трезини. Так сказать, «Петр первым начал», а остальные только продолжали.

Что построен он в единственно возможном месте — остальные по разным причинам не годились, и что назван он в честь Петра I.

Что Петербург есть «русская Европа», ее каменный манифест. Он был с самого начала замыслен и создавался как «окно в Европу», с тем и сделан.

Но все это — совершеннейшая неправда, и это легко узнает каждый, кто начинает заниматься не мифологией, а реальной историей этого великого города.

Начать следует с того, что строиться Санкт-Петербург начал вообще безо всякого плана. 16 мая 1703 года был заложен, строго говоря, не город, о городе еще не помышляли. Заложена была Петропавловская крепость, и не более того. Назвали ее, правда, Питер-Бурх, но носила она это название не более двух месяцев. Как только в крепости заложили церковь Петра и Павла, так и вся крепость стала Петропавловской, а название Санкт-Питер-Бурх отнесли уже ко всему поселению.

Только после Полтавской битвы, то есть после 1709 года, речь зашла о строительстве здесь города, и тем более — *столицы*.

Но пространство Петербурга застраивалось нерегулярно, бессистемно. До 1715 года предполагалось, что центр у города уже есть: Петропавловская крепость на Заячьем острове. Планировалось, что основная часть Санкт-Петербурга расположена будет на правом берегу Невы, за крепостью. Васильевский остров перережут каналом, и на нем будет находиться торговая часть будущего города.

Фактически этот первоначальный Петербург по своей планировке оказывался неким подобием Москвы, с Петропавловской крепостью в роли Кремля. Неровные улицы с названиями Посадская, Пушкарская, Зелёная, Ружейная или Монетная разбегались

¹ Ведущий эксперт ОАО «Геолэкспертиза», заместитель директора Института политической экологии, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор.

Автор монографий «Антропозоология» и «Политическая экология» (в соавт. с С. П. Якуцени) и многих научно-художественных публикаций, в т. ч. книг: «Санкт-Петербург как географический феномен», «Вся правда о русских. Два народа», «Наполеон — спаситель России», «Несбывшаяся Россия», «Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии», «Петр Первый. Проклятый император», «Покорение Сибири: мифы и реальность», «Правда о допетровской Руси. “Золотой век” Русского государства», «Правда о “золотом веке” Екатерины», «Русская Атлантида. Невымышленная история Руси» и др. Автор концепции ноосферного образования.

от Петропавловской крепости по радиусу. Особенности этой планировки первоначального Петербурга хорошо видны и сегодня.

С 1711 года начинается усиленное заселение Санкт-Петербурга. Теоретически власти издавали разного рода указы, предписывавшие, кому где селиться. На практике каждый строился там, где хотел; первоначально застраивалось в основном правобережье Невы, ее северный берег — Петербургская сторона (нынешняя Петроградская). Отметим, что само название свидетельствует — была сторона Петроградская, то есть занятая городом, и сторона, городом отнюдь не занятая.

Очень скоро, вопреки гениальным указам великого Петра, на Адмиралтейской стороне тоже стала возникать хаотическая застройка, — вопреки воле царя город «плеснул» и на левобережье Невы, стал развиваться по своим законам, не очень подчиняющимся воле царствующих особ.

В этих условиях и появился первый план застройки Петербурга — «план трех авторов» — Петра, Трезини, Леблona.

Проект Ж. Б. Леблona 1715 года предусматривал, что центр города будет находиться на Васильевском острове, вместо улиц будут каналы, как в Венеции, и что весь Санкт-Петербург будет обнесен крепостной стеной в форме эллипса. Первоначально и размечались на Васильевском острове не улицы, а «линии», каждая из которых была стороной канала. По замыслу, эти каналы могли бы принимать даже самые большие морские корабли того времени.

Существует много легенд, в которых Меншиков, завидуя Леблону, велел копать каналы мельче, чем было задумано, и все испортил. В реальности все просто: подпочвенные воды стояли в 80 см под поверхностью Васильевского острова. Как тут ни копай, а каналов не сделаешь.

Новый план предусматривал создание центра города на Васильевском, уже без каналов... По проекту Д. Трезини, здание Двенадцати коллегий должно было сформировать западную границу предполагаемой центральной площади столицы. Поэтому величественное здание и обращено к набережной Невы своим непрезентабельным фасадом, скрытое внутри позднейшей застройки. Поэтому оно и дисгармонирует со всем созданным позже ансамблем.

Вести строительство на Васильевском не получалось, потому что мостов через Неву не было, доставлять грузы на остров было очень непросто, а Адмиралтейство и его окрестности играли все большую роль в городском хозяйстве Петербурга.

Почти сразу начал формироваться центр города на левом берегу Невы; формировался он стихийно, вопреки планам и намерениям Петра. Только в 1715 году Д. А. Трезини и Ж. Б. Леблон внесли свой проект регулярной застройки строго по красной линии улиц. Но при жизни Петра не было никакого регулярного плана застройки этой части города.

Знаменитый проект «трезубца» из Невского, Вознесенского проспектов и Гороховой улицы, расходящихся веером от основания «трезубца» — Адмиралтейства, создан только в 1737 году П. М. Еропкиным при участии М. Г. Земцова и И. К. Коробова.

До этого застройка левого берега Невы велась в основном хаотично. Насколько хаотично, показывает хотя бы «излом» Невского проспекта, который строили одновременно с двух сторон: пленные шведы со стороны Адмиралтейства, монахи со стороны Александроневской лавры, а единого плана, очевидно, не существовало.

Как видно, в планы Петра постоянно вмешивались обстоятельства естественного порядка. Причем в обоих случаях — и по первоначальному замыслу, и по плану Трезини–Леблон — возникал город неоригинальный: или подобие Москвы, или подобие Венеции.

Возникни Петербург с сухопутным центром на Васильевском острове, тоже возник бы совершенно другой город, нежели современный Петербург, и тоже очень напоминающий и Москву, и древнейший Париж, замкнутый в пределах острова Сите.

Вероятно, если бы реализовались все три замысла времен Петра, возникший город и по духу был бы совершенно иным, чем Санкт-Петербург; скорее всего, гораздо больше напоминающий Москву, чем реально возникший Петербург.

Знакомый нам Петербург начал возникать с 1769 года — тогда Екатерина II утвердила план регулярной застройки города. Формально этот план действовал до смерти Екатерины. Фактически же основная часть плана оказалась выполненной к 1820–1840-м годам; тогда потребовался новый план.

По плану 1769 года уже не предусматривался единый центр города. Если он и был, то очень «расплывчатый»: вокруг обширной водной глади, при разделении Невы на рукава у стрелки Васильевского острова. Ничего похожего на жесткий, сразу замет-

ный моноцентризм Москвы. Именно по этому плану стали возводиться уже не отдельные строения, а грандиозные архитектурные ансамбли, которые и придали центру Петербурга его нынешние черты, включая величественность, монументальность и яркое своеобразие.

К этому времени была возведена и приняла современный вид центральная часть города, ее историческое ядро — то, что мы и называем сегодня Петербургом. Это была эпоха, когда персидский посол на вопрос, как нравится ему Петербург, ответил: «Этот строящийся город будет когда-нибудь прекрасен».

Тот Петербург, который мы знаем, реально начали строить в середине XVIII века, с 1760-х годов, и построили где-то к 1840-м, примерно за 80 лет. Семантика планировки и архитектуры этого города уже совершенно оригинальна. Во-первых, Петербург по своей планировке полицентричен. Во-вторых, его пространство позволяет выбирать направления движения: всегда есть не один, а несколько выходов из любой точки пространства; практически полное отсутствие тупиков. В-третьих, его архитектурный ансамбль, при разных стилях отдельных зданий, поражает единством замысла и стиля. В-четвертых, раскрытие на вид всех сооружений и урочищ города значительно выше, чем во всех европейских столицах и в Москве. В-пятых, семантическая валентность (термин М. Ю. Лотмана) Петербурга уникальна и позволяет ему, переживая культурно-исторические эпохи, воспринимать и присоединять новые смыслы.

Все это делает Петербург, во-первых, уникальным явлением мировой архитектуры и градостроительного искусства; во-вторых, явлением, намного обогнавшим свой век и опередившим европейское градостроительство по крайней мере на столетие.

Само по себе существование Петербурга ставит под сомнение еще один традиционный миф — об отсталости России.